

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

- 6) Folkloqa kurmança, Yerevan, 1936, r. 491.
- 7) Фольклорный вариант помещен в указ, выше об-ке Г.Мукри-ни; см. сн.2.
- 8) O.Mann, Die Mundart der Mukri - Kurden. Teil I-II, Berlin, 1906-1909.

О.П.Петрова

СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ЯПОНЦЕВ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

1.- В литературе до последних лет были известны имена двух японцев, прибывших в Россию при Петре I. Оба они были с потерпевших кораблекрушение японских судов, принесенных ветрами и морским течением к Камчатским берегам. Это Денбей из Осака, найденный Владимиром Атласовым в 1696 г. на реке Иче у ительменов, и Саниме с разбившегося в апреле 1710 года в Калигинской губе японского судна.

2. - О Денбее написаны Н.Н.Оглоблиным статьи: "Две сказки Вл.Атласова об открытии Камчатки" и "Первый японец в России 1701-1705 г.г.", напечатанные еще в 1891 г., так что повторять о нем излишне, но все же следует отметить, что при опросе Денбея в Сибирском приказе в 1702 г. от него получены были важные сведения о Японии, о ее политическом устройстве, о дуализме правления - о наличии духовного императора - тэнно и светского - сёгуна; о денежной системе - хождении золотых, серебрянных и медных денег, об их разменном курсе; о религии японцев с перечислением буддийских божеств; записаны были впервые 48 японских слов и получена первая японская книга.

После свидания с Денбеем 8-го января 1702 г. Петр I издал указ об обучении 3-4-х "ребят" японскому языку, положив этим начало изучения японского языка в России.

3. - О Саниме первые сведения поступили из челобитной камчатских казаков Петру I от 17-го апреля 1711 г. Согласно этим сведениям на берег Калигинской губы было выброшено штормом 10 японцев. Четверо из них были убиты, а шестерых камчадалы захватили в плен. Два пленника немного научились русскому языку и рассказали, что их родину называют Эдо, что поблизости находит-

ся 7 городов, отстоящих недалеко друг от друга, а родина их находится на острове в Пенжинском море против Камчатского мыса.

4. - У Г.Ф.Миллера в "Описании морских путешествий" об этом случае сообщается: "С этого судна высадились на берег 10 человек, четвертых из них убили камчадалы, шестерых захватили в плен, из которых четверых у них отбили казаки, один из них по имени Санима в 1714 году был отправлен в Санкт-Петербург, где впоследствии стал помощником Денбен в преподавании японского языка. В 1718 г. был представлен Петру I и имел с ним беседу".¹⁾

5. - Выяснением личности Санима занялся в наше время профессор Университета Сангё в Киото - Ситиро Мураяма, опубликовавший в 1967 г. в журнале "Ниппон Рэкиси" статью "О занесенном морским течением в Россию Саниме."²⁾ В ней профессор опирается на ряд русских сведений о Саниме и на собственные изыскания и приходит к выводу, что имя Санима - искажение японского имени Санэмон (Санимон-Санимо в северовосточных диалектах Японии), а из этого делает вывод, что происходил Санима из Хокуоку или Мацумаэ и предполагает, что он был переводчиком айнского языка. В Японии не знали, откуда дрейфовало судно Санимы и где была его родина, а поэтому приняли версию профессора Мураяма.

6. - В моем письме профессору Мураяма от 29/У-1967 г., полностью опубликованном им в указанной статье³⁾, мною дополнено его изыскание об искажении имени Санима из японского Санэмон и указано, как это могло произойти, поскольку в России у казаков было много мужских имен, оканчивающихся на а - Кузьма, Лука, Фока и т.п., по аналогии с ними искажали в просторечии и другие мужские имена: Гавриил-Гаврила, Еремей-Ерёма, Петр - Петра, поэтому и Санэмон стал у казаков Санима.

7. - В 1958 г. И.И.Огрызко в приложении к его статье "Открытие Курильских островов" опубликовал фотокопию с копии Г.Ф.Миллера "Чертежа Камчадалскому носу и Морских островов" монаха Игнатия Козыревского (ЦГАДА, портфель Миллера № 533, тетрадь 2), датированного 1726 г. Монах в прошлом был казаком Иваном Козыревским, составившим этот чертеж на основании ранних его же чертежей 1711, 1712 и 1713 г.г., сделанных в его плаваниях в эти годы.

Чертеж этот интересен пояснительными записями на нем.

Так, в районе рек Ампилова и Явина отмечено: "с разбойной (разбитой - О.П.) бусы иноземцев трех человек Ширюкея, Тиски и Сана по разным рекам брал, в показанных годах, в том числе и выкуп дал за одного. Сан - аббревиация от имени Санима.

Далее в чертеже сообщается против рек Вемячек и Березовые: "Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю и в то время неприятельские иноземцы их в полон взяли и одного убили".

Таким образом точно датируется год, месяц и число, когда Санима попал на Камчатку, и место высадки. Еще ниже в тексте на "чертеже" в промежутке между верховьем р. Камчатки и восточным берегом полуострова Шипун написано: "В сих урочищах двух нифонцев Кисть и Китара служилые люди взяли".

Итак из записей на "Чертеже" видно, что японцев было не шесть, как указано Миллером, а пять: Широкей, Тьски, Сан, Кисть и Китара. Попытаемся восстановить эти искаженные имена по-японски: Shiryuhei (四龍平), Chosuke (長助), Sanemon (三衛門), Kishichi (喜七), Kitarō (喜太郎).

8. - От них были получены сведения, дополнительные к сведениям, сообщенным Денбеем. Прежде всего об острове Мацумаэ (Хоккайдō).

Запись гласит о том, что по "скасам" Кистя, Широкея и Сана он является местом ссылки с острова Нифон (Хонсō). Жители Мацумаэ вооружены. В городе имеются пушки, ружья и снаряды. Пролив между Мацумаэем и Нифоном опасен для плавания. При боковом ветре и приливе и отливе бусы разбиваются о прибрежные скалы. Кисть на походе сделал чертёж "к Камчатской стороне" и сказал, что иноземцы - "эдзо" с этого и других островов привозят рыбу, китовый жир, звериные шкуры и торгуют с жителями города Матмай, объясняясь с ними на своем языке. Нифонцы же далее Матмая на север не ходят.

Затем следуют записи о городах на северо-востоке Хонсō. "Город Шендай (Сэндай), особое владение родственника японскому царю". Остров против этого города является центром, где совершают моления, приносят богатые дары: золото, серебро.

Ниже следует Нанбу, отмеченное как "особливое владение подданное", откуда морские бусы ходят в Матмай и другие города.

9. - Про нифонцев сказано, что они не употребляют в пищу мяса рогатого скота и им не разрешается иметь оружие, только знать носит сабли. На военную службу выбирают людей высокого роста и обучают их в особом городе, а потом привозят в столицу. При этом говорится, что нифонцы "зело неискусны в военном деле и боязливы". Записано также о том, что "близ великой губы к государству (т.е.

Эдо), есть остров караульный, который не могут миновать морскими судами, и караул стоит крепкий, и приходящих в государство и назад из государства осматривает накрепко; вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатка обирают, а торговым указ чинят.....также и по земле по дорогам многие караулы стоят: близ государства (Эдо) - торговых и всяких людей накрепко осматривают".

Ю. - Все эти сведения были крайне интересны и важны для Петровского времени при завязывании торговых отношений с Японией. В этом плане отмечается, что за проливом от Матвейского острова стоит город Цугару, куда приходят морем с Запада из Китайских городов и других владений и городов с торгами. Японцы сообщили также о прекращении междоусобной войны между феодальными владениями и о внутреннем торговом обмене.

Как записано Козыревским, все эти сведения ему сообщил японец Кисити, сделавший также чертёж Японии с японскими надписями.

Когда об этом узнали другие японцы, они очень рассердились на Кисити, и он больше ничего не мог рассказывать.

II. - Относительно того, откуда дрейфовало судно, на котором находился Санима и прочие, имеется следующая запись: "Из Кинокуни ходили в государстве оные иноземцы Кисть, Китара, Широкей, Тиски, Сан - всех 14 человек с торгом, а именно с лесом, и продав лес, купили вино, табак, гороху и возвратясь, своего города не досидели дни за три, и отнесло их ветром в море" и морским течением принесло на север к Камчатским берегам. Итэк, Санима был из провинции Кии, откуда судно, на котором он плавал, ходило с торгом в Эдо и возвращалось обратно в Кии, попав на обратном пути в шторм.

При всем фонетическом различии диалектов Токугавской Японии были в них и общие явления. Так в системе диалектов провинции Кии гласные *i* - *e* подменялись один другим, следовательно Санэмон в Кии звучало Санимон как и в северо-восточных диалектах. Происходила назализация гласных перед звонкими и носовыми. Так, Санимон звучало, как Санимо; был шипящий призвук при произношении *v* - Шендай, Широкей.

В Токугавской Японии у простолюдинов не было фамилий, а только имена, которые могли совпадать в разных провинциях Японии.

Таким образом, все встает на место. Санима так же, как Кисити и другие его товарищи, был из провинции Кии, р-на Кинки, т.е. из района близ Киото.

12. - Сведения, полученные Козыревским от Киюти и сделанный им чертеж Японии дополняют сведения, полученные ранее от Денбея. Дошедшие после экспедиции Козыревского в 1713 г. до Тобольска, они стали известными и в Москве, значительно пополнив представления о Японии в Петровское время.

- 1) Г.Ф.Миллер, Описание морских путешествий Миллера, "Сочинения и переводы", 1758 г., т.1, с. 305.
- 2) "Ниппон Рэкиси", № 232, сентябрь 1967 г., с. 69-78.
- 3) Там же, с.77.
- 4) "Языки и история народностей крайнего Севера СССР", Уч. записки ЛГУ, № 157, 1958 г., с. 167-199 и приложение к статье, с.200-207 с вкладным-фотокопией чертежей.

М.Б.Руденко

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КУРДСКОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Похоронные причитания, связанные с одним из наиболее консервативных и исторически-устойчивых обрядов - обрядом погребения, естественно, сохранили следы и отголоски древнейших ритуалов и представлений. В погребальных плачах содержится уникальный материал, позволяющий в ряде случаев воссоздать модели исторической этнографии, выявить исчезнувшие верования и культы. Не случайно именно этот жанр фольклора обратил на себя особое внимание В.И.Ленина, который, ознакомившись с книгой Е.Барсова "Причитания северного края", охарактеризовал народные плачи, как "... ценнейший материал", как "... подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии"¹⁾

Без изучения народной психологии невозможно правильно осветить вопросы истории духовной культуры того или иного народа, представить процессы ее формирования.

Сохранившийся у курдов и впервые отмеченный нами обычай исполнять свадебные причитания на похоронах юноши или девушки представляет, по-видимому, реминисценцию древнего обряда имитации свадьбы на похоронах молодых, не вступивших в брак.²⁾ Ритуал этот